

**Тексты лекций по курсу «Социально-культурная антропология»
для студентов 3 курса исторического факультета (специальность
«История. Английский язык»)**

**ТЕМА 10. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И
ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

1. Культура здоровья.
2. Гендерный аспект развития культуры.

Литература

- Захаркевич С.А. Социально-культурная антропология. Учебно-методич. пособие. – Мн., 2002.
- Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. – М., 1998.

1. Культура здоровья.

Этнология издавна изучала традиционное народное врачевание. Правда, внимание обращалось прежде всего на способы лечения. Две области здесь явно преобладают: лекарственные препараты, из которых первое место принадлежит травам, а также лечение внушением, где выделяется использование заговоров, заклинаний и молитв. Оба направления, представленные в разных культурах народов мира, образуют своего рода отличительные признаки «народности», массовой культуры низов. Но при постоянном интересе к медицинской составляющей народной жизни этнология, изучая рецепты, скорее обслуживает медицину, особенно историю медицины, а при изучении заговоров, заклинаний и молитв — фольклористику. Только в последние десятилетия стали разрабатываться подходы с собственно этнологической проблематикой, направленной на изучение народных этиологических представлений о здоровье как таковом.

Разработка проблемы здоровья людей ведется в этнологии при плодотворном сотрудничестве с этномедициной и этнопсихологией при общей ориентации всех этих наук на экологию человека. Этномедицина способна дать необходимые начальные ориентации в разграничении нормы (здоровье) и ненормы (болезнь). Этнопсихология освещает ценностные ориентации носителей культуры и место здоровья среди этих ценностей. Этнология раскрывает адаптационное разнообразие человеческих обществ. Она поднимает проблемы здоровья, поставленные другими науками, на уровень комплексного изучения жизнедеятельности человека, на уровень не норм, но эталонов.

В истории медицины сложился подход к проблеме здоровья в русле выявления санитарно-гигиенических правил во врачебных канонах как на Западе, так и на Востоке.

В ряде культур на первое место выдвигаются всяческие страдания, недомогание и его крайняя степень — болезнь. Заболевание индивида или

даже группы людей воспринимается как нарушение нормальной жизнедеятельности, которое несоциально по своим причинам и последствиям. Заболевшие выходят из социальной системы и переходят в особое, приближенное к природе, состояние. В соответствии с такими взглядами больного изолируют от общества, его могут даже поместить вне обычного жилища. Больному прописываются лекарства, не являющиеся обычной пищей. Их сложные составы, удивляющие фармакологов, знаменуют нахождение больного в маргинальном, приближенном к природе, состоянии. Больному позволительно поведение, не допустимое для здорового человека. Болезнь здесь — сдвиг всего организма к природе, к рубежу между жизнью и смертью. Всякое повреждение органов опасно для здоровья, а человек с такими повреждениями считается ритуально опасным для общества.

Исключительность положения больного ведет к такой трактовке болезни, как избранничество (например, духами). Болезнь часто считается долей в силу случая, судьбы, доставшейся индивиду или ему навязанной, переданной. В обществах, где акцент делается на «пассивное здоровье», рациональные гигиенические меры не образуют целостной системы, хотя само наличие таких мер нельзя отрицать. Относительно таких обществ можно сказать, что в них отсутствует культура здоровья как самостоятельный блок культуры. Примеры можно найти среди народов, обитающих в экстремальных условиях на Севере Азии (чукчи), в тропиках, особенно в природных изолятах (многие, обычно малочисленные, народы Южной Америки, Африки южнее Сахары, Индии, Индокитая). У австралийцев здоровый человек ничего не может поделать, если он околдован, и может погибнуть. Здесь интенция здоровья, как правило, ослаблена, человек часто пасует перед болезнью и смертью.

Активно-адаптивный тип реакций на среду с точки зрения болезни и положения больного противоположен предыдущему типу. В такой системе взглядов болезнь считается не долей, выпавшей индивиду в силу непредсказуемого избранничества, а виной, наказанием за проступок или просто знаком того или иного поведения. Болезнь в этом случае дана от природы и замкнута на личность. Больной не изолируется, он сам стремится быть полноценным членом общества.

Чтобы сопоставить общества по параметру здоровья, требуется иметь критерий здоровья. Но есть ли он? Ведь реакции организма одного человека, для него нормальные, могут свидетельствовать о болезненном процессе у другого. Кроме того, нарушение деятельности какого-то органа мы не всегда считаем болезнью: человек, носящий очки, может обладать отличным здоровьем. Правда, такое утверждение явно утратило бы свою однозначность, если бы этот человек был членом охотничьего племени где-нибудь в африканских джунглях. Зато там бы ни он сам, ни его соплеменники не обратили бы никакого внимания на кожные заболевания вроде лишая.

Относительность в понимании здоровья удобно рассматривать на различном этнографическом материале.

Здоровье народов, обитающих в разных климатических условиях и отличающихся образом жизни, проявляется и определяется по-разному: в одних обществах его выражением считают долголетие, в других — физическую силу, в третьих — полноту тела. В мире довольно широко распространено представление об аппетите как выражении здоровья. Отсюда обычное стремление перекармливать детей. Очень часто в быту у людей, занимающихся физическим трудом, здоровьем считается мускульная сила. Несомненно, к этому взгляду близки древние представления о здоровье мужчины-воина. Так, в Древней Руси здоровым считался мужчина, если он был в состоянии без чужой помощи подняться на коня.

Универсальная черта народных представлений о здоровье — детородные способности. При отсутствии их человек считается не только больным, он теряет свой социальный статус. В бесплодии обвиняется, как правило, женщина, и это обвинение прежде влекло за собой для нее тяжелые последствия. Большое число детей повышает статус не только женщин, но и мужчин. У русских в Сибири эти представления выражены следующим образом: «У здорового человека дети должны быть у всякого, а то какой же это человек, который дитя не имеет». В утонченных концепциях здоровьем считается баланс стихий в организме. Речь идет об учении о четырех элементах (земля, вода, огонь и воздух).

2. Гендерный аспект развития культуры.

Этнологами выполнена значительная работа по описанию и исследованию культуры женщины в рамках традиционного социума. Они касаются статуса незамужней и замужней женщины, женской красоты, проблемы материнства и взаимодействия полов на примере разных культур народов мира.

ездомность и свобода девушек. Имеющийся материал по теме огромен. Если взять только девичество, то можно перечислить множество странных обычаев, суеверий, сказочных образов и мифологических персонажей вроде дев-воительниц и девственной Артемиды. Конечно, и в самой народной традиции все, что относится к девушке, часто бывает скрыто тенью мужских институтов — жениха, брата или отца. Высветлен более или менее образ девушки—дочери или сестры. Ее привязанность к брату или к отцу выражается прежде всего в труде во имя их блага. С позиций мужской идеологии женщина вообще должна быть ограничена кругом домашних работ. У американских индейцев (чироков) женщину обозначают словом, смысл которого — «та, которая готовит пищу». Аналогии можно найти во многих других языках и культурах. Выход девушки замуж часто воспринимается как потеря рабочих рук.

Женский путь из природы в культуру. Девочка раньше, чем мальчик, начинает вносить свой вклад в семью, разделяя заботы с матерью. Тогда

очевидно, что не из сферы труда девушка обретает свой высочайший нравственный статус, интуитивно улавливаемый и оцениваемый фольклором любого народа. Происхождение образов безбрачных Великих матерей, хозяйек зверей, породительниц домашних растений и животных, основательниц ремесел остается неясным. Образ рожавшей девственницы в христианстве вознесен до уровня Богоматери. Все, что обуславливает нравственный статус девичества и культовое к нему отношение, заложено парадоксальным образом в народной эмбриологии, включающей представления о родильных свойствах девушки.

Подчеркнем в статусе девушки ее слабую связь с домом — ее внедомность. Это только замужняя женщина всячески — и хозяйственно и ритуально — связана с домом. Но не девушка. Действия девушки с момента полового созревания направлены к дверям, к воротам, во внешнее пространство. Цветник перед домом, устраиваемый девушкой на Украине или в Белоруссии, знак того, что она готова выйти замуж и покинуть родительский дом. О том же состоянии девушки у народов Северного Кавказа, например чеченцев, свидетельствует подметание участка перед домом. Девичьи игры на Руси (без участия парней) проходили на открытом пространстве вне дома, в роще, на лугу. Весенние девичьи игры предусматривали хождение по льну и катание («чтобы он лучше рос»), поедание яиц. Такие обряды принято считать магией плодородия. Но мы сейчас отмечаем только сам факт внедомности девушки. И недаром при гадании о суженом у восточных славян на святках девушка бросает башмачок за ворота.

Несомненно, что, оценивая внедомность девушки как черту ее ритуального статуса, мы должны учитывать ярко выраженную тенденцию замужней женщины к полному слиянию с домом. Такое резкое различие положений девушки и замужней женщины примечательно, и его надо постоянно иметь в виду.

О девичьей красоте. В современных культурах белый цвет стал символом девичьего состояния. Объясняется это отношением белого цвета к чистоте, незапятнанности девичьего тела. Но это очень позднее суждение, один из видов современной мифологии. Изначально же у белого цвета было два противоположных аспекта: он означал порождение жизни и ее прекращение, смерть. И в этих двух значениях белый цвет был соотнесен с Луной, дающей и забирающей жизнь. Последний аспект стал знаком траура, и в этом смысле он известен австралийцам, папуасам, китайцам, тибетцам, народам Юго-Восточной Азии. Некоторые народы Кавказа четко представляют, что белый цвет — цвет девичества и сватовства. Сватающие посланники к невесте должны иметь белые головные уборы: платки у женщин, папахи у мужчин. Такое отношение к белому цвету вызвано тем, что он считается «лунным цветом бога».

В символике белого цвета есть еще один важный аспект — его связь с цветом материнского молока. Такая идея особенно подчеркнута в африканских культурах, в Индии, на Цейлоне. В этом смысле белый цвет —

материнский. Но мы ищем происхождение девичьего белого цвета. Оно обязано цвету ночного светила — Луны, т.е. цвету первого космического партнера созревшей девушки.

Зато Солнце в народных традициях, как правило, ассоциировано с замужней, родившей женщиной. Солнце в грузинском мифе научило женщину рожать, лежа на соломе. У хевсур, горногрузинской группы, был обряд приглашения Солнцу войти во двор, где роженица. Вокруг нее исполняли хороводный танец, символизирующий Солнце, пели песню «Мзе шина» («Солнце в доме»).

Небеса доступны девушкам. Состояние полета — это их естественное качество, которое разнообразно подчеркивается в обрядах и обычаях. Немецкая примета соотносит состояние девушки с птицей: «Если ласточки начинают летать вокруг дома, то живущая в нем девушка скоро превратится в невесту». Фольклорные сюжеты о девичьем состоянии, которое мы именуем «полетом в небо», многообразны. Они охватывают человечество от племен Океании до развитых абхазских и северокавказских сюжетов о девушках из конкретных фамилий, якобы поднявшихся в небо.

К числу ритуалов девичества, архетипически восходящих к полету в небо, следует отнести следующие:

прыганье девушек через огонь, известное у восточнославянских и западноевропейских народов; у балкарцев это тайный обряд «восстановления» целомудрия;

подбрасывание обуви девушками с гадательной целью (тоже широко известно);

обряды типа прыжков на поле и подбрасывание ложек девушками у русских для заклинания хорошего роста льна;

вспрыгивание на лавку как один из ритуалов совершеннолетия девицы, рассмотренный Дмитрием Зелениным;

обряды поднимания невесты женихом на коня (у народов Кавказа), перенос ее в дом на руках (во многих местах), поднимание девушки парнями как знак ее совершеннолетия и способности принимать ухаживания в Бельгии;

бег невесты как одна из стадий свадебного обряда (известен обитателям Новой Гвинеи, населению Малайского архипелага, калмыкам, немцам, австрийцам, голландцам, французам, сардинцам и многим другим народам).

Все упомянутые обычаи не свадебно-брачные, а возрастные. Они маркируют переход девушки в совершеннолетие. Удивительно стабилен способ этой маркировки, состоящей в отрыве девушки от земли.

Конкретно-этнографический материал показывает, что к девочке с ее рождения начинают, в сущности, относиться как к матери: об этом говорят игры в куклы, примеры раннего собирания для нее приданого и другие обычаи. Поэтому семейно-родильная деятельность женщины, начинающаяся в стадии невесты, знаменует прекращение этого полета. В предсвадебных и свадебных обрядах тело девушки уплотняется, твердеет. Элементом этих обрядов повсюду выступает ритуальное «битье» невесты. Этому же служит погружение невесты в бассейн (Грузия) или мытье ее в бане (Восточная

Европа). Тело девушки в состоянии невесты должно реализоваться как объем и масса. Поэтому в самых разных традициях невесту везут или вносят в дом на руках. С обретением собственной тяжести девушка становится готовой стать «тяжелой» в смысле обретения в себе нового тела, в смысле материнства.

Поэтика девичества убедительно показывает, что этот важный этап в жизни женщины формируется вовсе не в зависимости от мужских институтов. Девичество, наполненное высоким человеческим и космическим содержанием, само несет нам социальные и духовные ценности.

Тема двух персонажей — женщина и животное — хорошо была известна в палеолите, будучи много раз изображенной на стенах пещер. Тенденция пластического использования тела (косметические средства вплоть до операций, татуировка и скарификация, мода на обрезание, стиль ношения одежды и причесок) состоит в том, что мужское тело в выразительном отношении моделирует женское. Мужское тело пытается воспринять транслируемое тело другого пола, которому присущи изменения фигуры при взрослении, кровотечениях, беременности. Феминизация мужского тела — один из современных «образов нереальности». Очевидно, это связано с глубинной структурой сознания, которая стала отрицать смерть. Отсутствие смерти — архетипическое женское восприятие. Показательно отсутствие мифов об умирающих и воскресающих женщинах, тогда как сюжетов, относящихся к богам-мужчинам, в изобилии.

Положение женщины в обществе, особенно в бурно развивающейся женской культуре, отличается не только возросшей ее свободой, но и меньшей структурированностью поведения по полюсам оппозиций (мужское — женское, хорошее — плохое и т.д.). Эта свобода не столько социальна, сколько архетипична и является повторением статуса девушки традиционного общества.

Ценность культуры — в сущности сама женщина, метаморфозы ее тела. Тогда эта Хозяйка зверей сродни тем многочисленным образам женщин, из молока которых появились злаки (например, в мифах Кавказа) или все их тело превратилось в разные блага культуры.